

Более полувека назад в одной деревеньке, расположенной на правом берегу неширокой спокойной реки, которая, словно в насмешку, носила название Быстрая, жила молодая вдова по имени Маруся. Домик у неё был маленький и старый. И хотя он одним углом врос в землю, но внутри него было чисто и уютно. Только очень тихо. Ни собачки, ни кошечки после смерти мужа Маруся так и не завела. Скрашивали одиночество молодой женщины бабка Пелагея, живущая в соседнем доме, старый ворон, который иногда залетал посидеть на раскидистой липе, растущей поодаль от дома, да зимние гости — синички, что наведывались к кормушке.

Сама Маруся кормилась с огорода, на котором выращивала овощи и зелень. Ещё она работала в поле на своей делянке, где каждый год сеяла пшеницу и рожь. За помол зерна мельник брал плату зерном и продуктами, и это всех устраивало. Поэтому свежесдобитый хлеб у Маруси был всегда. Им она часто угощала калеку Ивашку, который год назад поселился на соседней улице в старом заброшенном доме. Кто он и откуда пришёл, никто не знал. А сам Ивашка ничего вразумительного сказать не смог из-за дефекта речи. Соседка Маруси, бабка Пелагея, окрестила Ивашку деревенским дурачком и словно приклеила к несчастному парню прозвище.

— Вон дурачок идёт! — кричали деревенские мальчишки, завидев хромого Ивашку.

Но парень только улыбался и кивал головой в знак согласия.

«Другой бы калека на месте Ивашки костылём разогнал бы этих назойливых мальчишек», — подумала молодая вдова, в очередной раз отгоняя от Ивашки мальчишек.

— Добрый ты, Ивашка! — однажды при встрече с калекой сказала Маруся и почему-то вздохнула.

Парень распрямил плечи и в упор посмотрел на молодую женщину. Взгляд его был осмысленным, и Маруся тогда подумала, что бабка Пелагея ошиблась, обозвав парня деревенским дурачком.

С той поры молодая вдова заметила, что стала часто думать об Ивашке. Да и он стал относиться к Марусе по-другому. При встрече с ней парень молча проходил мимо, потупив взгляд. Женщина восприняла поведение Ивашки как должное и не стала приставать к парню с вопросами.

Но бабку Пелагею не проведёшь.

— Влюбился наш дурачок в тебя, голуба моя, — сказала она при встрече Марусе, на что та улыбнулась и головой покачала.

— Придумаете же такое, — ответила она соседке.

— Куда путь держишь? — поинтересовалась та.

— Иду на поле делянку свою прибрать, — сказала Маруся и чуть ли не вприпрыжку побежала к полю.

«Ну и ну! — подумала бабка Пелагея. — Меня не обманешь».

Уже заканчивая приборку на делянке, Маруся вдруг увидела поникший стебель льна-долгунца с увядающими цветками.

«Откуда он здесь взялся?» — подумала она и, не зная зачем, выкопала стебелёк из земли. Затем Маруся сняла с головы платок и обернула им корни стебелька, чтобы земля не смогла с них осыпаться при ходьбе.

— Посажу-ка я его возле забора, и будут у меня расти голубые цветы, — произнесла она вслух и увидела, как сквозь хмурую тучу пробился солнечный луч, чтобы погладить её по щеке.

А когда налетел ветерок и развеял тучу, на душе у Маруси и вовсе стало как-то тревожно. «Знак какой-то», — вдруг подумала она и поспешила домой.

Уже подходя к дому, Маруся встретила Ивашку, который, прихрамывая, медленно шёл ей навстречу.

— Здравствуй, Ивашка! — поприветствовала парня женщина. — Куда путь держишь?

Но тот ничего не ответил и, подойдя близко к Марусе, протянул руку к голубым цветам.

— Не трожь! — предупредила та парня. — Видишь, какой стебелёк вялый!

Ивашка отдёрнул руку и пошёл прочь, что-то бормоча себе под нос.

Но ветерок вдруг изменил направление и донёс до Маруси слова парня.

— Будет теперь рубашка у Ивашки, — явственно услышала женщина и пожала плечами.

«Дурачок! Что с него взять? Придумывает невесть что», — подумала она тогда.

Войдя во двор своего дома, она вырыла ямку недалеко от калитки и посадила стебель льна, бережно укутав его корни землёй.

— В колодце вода студёная и может погубить слабый стебель. Принеси для полива воду, что стоит в глиняном кувшине на подоконнике в твоей спальне, — услышала Маруся за спиной чей-то голос и обернулась, чтобы увидеть советчика.

Но никого не увидела. Женщина сочла совет разумным и полила стебель льна водой, принесённой из дома.

— Расти, рубашка для Ивашки, — неожиданно для себя произнесла она вслух и прикусила губу, чтобы не сболтнуть ещё чего-нибудь.

— Что ты там бормочешь? — поинтересовалась бабка Пелагея, которая в это время проходила мимо Марусиного дома.

— Цветочек вот посадила, — ответила та.

— Покажи-ка! — потребовала вездесущая бабка Пелагея. — Может быть, и я себе такой посажу.

— Заходите во двор, — пригласила Маруся соседку.

Она открыла калитку, и бабка Пелагея прошмыгнула во двор.

— Ничего себе цветочек! — всплеснула руками бабка Пелагея. — Да здесь целое льняное поле.

Маруся, закрыв калитку, обернулась и увидела, что действительно вдоль забора пышно разросся лён.

«Хватит на рубашку и полотенце», — вдруг подумала она, и лёгкий румянец окрасил её округлые щёки.

— Зачем тебе лён? — спросила бабка Пелагея. —хлопот с ним не оберёшься: теревить, чесать, пряхть.

— Ничего, я к труду привычная, — ответила молодая вдова и посмотрела на цветущий лён, у которого цветочки вдруг стали превращаться в пятизвёздочные коробочки.

— Пойду-ка я лучше домой, — сказала соседка, которой происходящее со льном внушало страх.

И хотя Марусе тоже было в диковинку такое быстрое созревание льна, она ничего не ответила соседке.

— Кричи, если что неладно! — посоветовала та, выходя из калитки на улицу.

Молодая вдова закрыла за бабкой Пелагеей на два запора калитку и вернулась посмотреть, что же ещё необычного произошло со льном. Маруся увидела, что часть стебля уже пожелтела, а семенные коробочки стали жёлто-бурого цвета.

«Пора убирать лён, а то полотно получится жёстким», — подумала она и стала выдёргивать лён из земли вместе с корнями. Благо день с утра был пасмурным, что благоприятно действовало на состояние стеблей льна.

Просто удивительно, как быстро Маруся управилась со льном. Спустя неделю готовые холсты лежали на столе, осталось только раскроить и сшить рубашку для Ивашки, а остаток ткани обвязать кружевом и вышить по краям будущего полотенца незатейливые узоры.

— Когда же ты всё это успела? — удивилась бабка Пелагея, глядя на вышитую рубашку и обвязанное разноцветными нитками полотенце. — Три дня у тебя не была, а столько всего произошло.

Маруся с улыбкой наблюдала, как соседка зажгла свечу и стала крестить ею все углы комнаты, где стоял ткацкий станок.

— Не иначе как колдун какой-то тебе помогает, — сказала бабка Пелагея, подозрительно глядя на молодую вдову. — Ведь на то, чтобы лён потеревить, просушить, очесать и смолотить, не один день потребуется. А чтобы вымочить стебли льна в росах, и вовсе несколько недель требуется. Затем надо стебли просушить, помять, потрепать, расчесать и вытянуть ровницу. Только после этого можно пряхть льняную пряжу. Или ты ничего этого не делала, или кто-то принёс тебе рубашку и полотенце.

Маруся в знак протеста покачала головой и руками замахала.

— Я и сама удивляюсь, как ладно и быстро дело спорится, — ответила она. — Меня словно кто торопит и заставляет руки мои двигаться с невероятной скоростью. Узнать бы только, кто этот торопыга.

— А тут и узнавать нечего, — заметила соседка, увидев в окно, как в Марусин двор зашёл дурачок Ивашка. — Как же я раньше не догадалась, что он не просто дурачок, а кем-то заколдованный. Это ты для Ивашки так постаралась? — спросила бабка Пелагея, глядя в глаза Марусе.

— Да, — ответила та, и нежный румянец окрасил округлые щёки молодой вдовы.

— Иди открывай дверь своему принцу, — сказала соседка, услышав негромкий стук в дверь. — А я пойду домой.

— Оставайтесь! — попросила Маруся бабушку Пелагею, открывая дверь незваному гостю.

Ивашка, а это был он, первым делом подошёл к рубашке и осмотрел её со всех сторон. Затем он взял в руки полотенце и, глядя в лицо Марусе, попросил её дать ему умыться. Та налила воды в умывальник и подвела к нему калеку. Тот отдал молодой вдове полотенце и стал умываться.

— И впрямь заколдованный был! — всплеснула руками бабка Пелагея, увидев, как из калеки Ивашка превратился в стройного красивого молодого парня.

Когда Маруся протянула ему полотенце, то Ивашка не стал утираться, а накинул полотенце, как шаль, на плечи молодой вдове.

Бабка Пелагея, открыв рот от удивления, во все глаза смотрела, как скромное полотенце превратилось в роскошное свадебное платье. А рубашка для Ивашки превратилась в праздничную одежду.

— Прямо хоть под венец! — воскликнула соседка Маруси и взглянула на Ивашку: дескать, что он скажет?

— Если Маруся согласна, — ответил тот и взял девушку под руку.

Конечно же, Маруся была согласна.

Сидя за свадебным столом, бабка Пелагея, глядя на молодожёнов, нет-нет да и утрёт слёзы платочком.

— Что же вы плачете? — спросила её стряпуха Марья, сидевшая рядом. — Радоваться надо. Намаялась горемычная Маруся без отца и матери. Легко ли вдовой считаться, если мужа сразу же после венчания хоронить пришлось? Слава Богу, наградил он её за доброту сердечную добрым и красивым мужем.

— Так я и радуюсь! — возразила бабка Пелагея. — Просто радость в меня не вмещается, через глаза слезами выплёскивается.

— Бывает и так! — подтвердила Маруся и тоже смахнула рукой набежавшую слезу.

— А когда ты понял, что я тебя могу расколдовать? — шепнула на ухо Ивашке Маруся.

— Когда ты запретила трогать стебелёк льна. Это и был знак, — ответил тот, и свет его улыбки осветил сидящих за столом гостей.

— Счастье, заработанное своим трудом, всегда светится, — заметила бабка Пелагея.

И она была права.